
ОТ АВТОРА

Есть несколько вещей, которые надо сказать прежде, чем приниматься за истории.

Меня зовут Макс, и сейчас я сижу за столом в своем кабинете — в башне на крыше Мохнатого Дома. Дом называют «мохнатым», потому что его снизу доверху оплело выщущееся растение, название которого я так и не смог выучить за долгие годы обладания этой недвижимостью. А теперь, мне кажется, это уже вопрос принципа — его не знать.

Важно, впрочем, не это. А то, что окно моего кабинета распахнуто настежь. Там, за окном, у нас сейчас осень. Там дует ветер с Хурона, еще не холодный, но уже свежий. Я рад за него. Я примерно представляю, как это приятно — дуть.

В отличие от ветра, я сижу за столом. И намереваюсь продолжать в том же духе еще какое-то время. Потому что рассказывать истории — это, как выяснилось, немаловажная часть моей работы.

Поскольку я вполне добросовестно занимаюсь этим уже не первый год, вы наверняка знаете обо мне даже больше, чем я сам, потому что моя память — не самая надежная штука. Местами такая цепкая, что я, к примеру, до сих пор могу практически слово в слово воспроизвести некоторые необязательные разговоры с малознакомыми людьми, зато, если вы спросите, чем я занимался позавчера, велика вероятность, что я промывчу что-то неопределенное, раздраженно махну рукой

и умолкну — в точности как человек, который пытается вспомнить, что ему снилось.

Или кому снился он сам — это больше похоже на мой случай.

Со мной вообще все довольно непросто — в том смысле, что у меня даже биографий несколько. Все до единой правдивые, если верить моим воспоминаниям. А верить им приходится, если не хочешь вдрызг разругаться с собственной памятью.

Я — не хочу. У меня вообще не особо склочный характер, хотя я знаю пару-тройку человек, которые будут с удовольствием утверждать обратное. Но я настолько покладист, что не спрю даже с ними.

За свою сравнительно недолгую, но при этом, похоже, бесконечную, во все стороны сразу делящуюся жизнь я успел побывать целой толпой удивительных существ, спасти от неведомо чего пару-тройку реальностей и отдельных людей, увидеть овествленными свои самые любимые сновидения и несколько раз сойти с ума то от горя, то просто от избытка могущества, а потом прийти в себя — насколько это вообще возможно в моем случае.

А теперь я твердо намерен выкинуть все это из головы и снова попробовать стать старым добрым сэром Максом из Ехо, потому что нигде и никогда я не был так счастлив, как в его шкуре.

Самому интересно, что из этого получится.

«Создав новую Вселенную, я немного заскучал», — отличная, по-моему, первая фраза. Попадись мне в свое время книга, которая так начинается, я бы вцепился в нее мертвой хваткой и прочитал от корки до корки — просто из любопытства. А теперь я испытываю огромный соблазн начать так свою историю. Но мне не позволяет совесть.

Во-первых, мне все-таки кажется, что никаких новых Вселенных я не создавал. Честно говоря, я вообще не знаю, как это делается. С чего хотя бы следует начинать? Предложите мне создать еще одну Вселенную, и я тут же сяду в лужу на глазах у восхищенной публики. Ну или не сяду. Но только потому, что поневоле научился выкручиваться в безвыходных ситуациях. Человек, которого приперли к стенке, способен абсолютно на все. А я у этой стенки, можно сказать, живу.

Но в данном случае я и правда почти ни при чем. Просто город, который я часто видел во сне, вдруг решил овеществиться наяву. Сам решил, я его не заставлял, не стыдил, ногами не топал. Даже голос ни разу не повысил. А начав, он так рьяно взялся за дело, что отрастил вокруг себя целую новехонькую обитаемую реальность. Что, в общем, только к лучшему. Глупо было бы, если бы город остался болтаться в полной пустоте. И куда, скажите на милость, ездили бы его жители на выходные? С кем бы они торговали? И о чем рассказывали бы детям на уроках географии?

Вот и я не знаю.

Что касается меня, я просто при этом присутствовал. И рад, если сумел быть немного полезен. Хотя, с моей точки зрения, я всего лишь прекрасно проводил там время, сев на шею гостеприимным хозяевам «Кофейной гущи», ведрами хлестал божественный Франков кофе, встречался со старыми друзьями, по мере сил приводил в порядок голову и все, что к ней прилагается. Отличный вышел отпуск*. Если именно так создаются новые Вселенные, я готов заниматься этим и дальше.

Во-вторых, я вовсе не заскучал. Возможно, это случилось бы со мной чуть позже. Лет, например, через тысячу. Хотя, честно говоря, не представляю, как можно заскучать в новехонькой реальности, о которой еще ничего не знаешь. Где даже собственный город толком не изучил. До некоторых окраин, к примеру, так и не добрался. И даже к ближайшему морскому побережью не успел съездить. О каких-нибудь дальних странах вообще речи нет, их я не успел даже вообразить. Что совершенно не помешало им появиться — по крайней мере, на географических картах, а картам я верю свято.

В-третьих, если слово «заскучал» используется в смысле «затосковал по...», определение «немного» становится таким чудовищным преуменьшением, что впору приравнять его к клевете. Потому что моя тоска по Ехо была столь велика, что я ее почти не чувствовал, как не чувствует боль человек, потерявший от нее сознание. Моя тоска по Ехо не помещалась в меня, вот

---

* На этом месте автор внезапно понял, что внятно пересказать краткое содержание предыдущих серий, то есть восьми томов цикла «Лабиринты Ехо» и еще восьми «Хроник Ехо» в формате пояснительной сноски без применения триста сорока ступени Очевидной Белой Магии решительно невозможно. А потом вспомнил, что наивысшая возможная ступень — всего лишь двести тридцать четвертая. К тому же овладевших ею колдунов за всю обозримую историю Мира можно пересчитать по пальцам. Поэтому читателю придется или самому перечитать эту кучу книг, или просто не париться. Тем более для того, чтобы не париться по пустякам, вполне достаточно всего-навсего семнадцатой ступени Белой Магии; это как раз довольно простой фокус, напомниме как-нибудь на досуге, я вас научу.

в чем штука. Счастье, что я научился ее игнорировать, а то бы не уцелел. А так думал — никогда не вернусь в Ехо, и ладно. Зато жив и даже более-менее в своем уме, зато коротаю дни на дне сладчайшего из своих сновидений, еще и друзья приходят навесить, таскают гостинцы, рассказывают свежие новости, а такого, пожалуй, даже с праведниками в раю не случается, одному мне повезло.

И только вернувшись в Ехо, я осознал, как сильно этого хотел. Сам думаю, что глупо так привязываться к городу, населенному пункту, который с точки зрения человека здравомыслящего вообще не субъект, а просто место действия. Но любовь — это, похоже, вовсе не вопрос сознательного выбора. Когда включается сердце, здравый смысл летит в тартарары, которые, по моим прикидкам, уже забиты им доверху.

А теперь, когда я объяснил, почему при всем желании не могу начать свою историю с эффектной фразы: «Создав новую Вселенную, я немного заскучал», — придется начать ее как попало. То есть откуда-нибудь с середины. Мне так легче, а у вас просто нет выбора. Все равно никто, кроме меня, вам этого не расскажет.

А я расскажу.

* * *

Утро началось с того, что на пороге спальни я споткнулся о собственный труп.

То есть поймите меня правильно. Я не самое изнеженное существо на обоих берегах Хурона. Нервы мои все еще отличаются от металлических тросов, но разница постепенно перестает быть существенной. К тому же трупы вызывают у меня скорее симпатию, чем негодование: обычно они смиренно лежат на месте и жизнь окружающим особо не портят. Козней не строят, интриг не плетут, убежать не пытаются и даже над душой, требуя безотлагательно заняться их делами, не стоят. Все бы так себя вели.

Поэтому труп на пороге спальни — вовсе не тот предмет, который способен всерьез выбить меня из колеи. Но только при

одном условии — если мне сперва дадут выспаться, а потом кружку камры. Или кофе, или крепкого чаю, да чего угодно — когда регулярно меняешь место жительства, перебираясь из одной реальности в другую чаше, чем с квартиры на квартиру, поневоле сделаешься непривередлив. Лишь бы напиток, с которого начинается утро, был горячим и ароматным, а его вкус умело балансировал между сладким и горьким, как сама жизнь, очередной день которой только что начался.

После нескольких неторопливых глотков жизни, данной мне в приятных ощущениях, я готов окончательно продрать глаза и встретиться лицом к лицу с любым количеством трупов, в том числе похожих на меня как две капли воды. Двойники, кстати, даже лучше, чем незнакомцы, собственная рожа меня умиротворяет и успокаивает, как всякое привычное зрелище. Особенно если ее не надо вот прямо сейчас брить.

Однако этим утром обстоятельства сложились не в пользу раннего визитера. Поспал я всего пару часов, а это, на мой вкус, гораздо хуже, чем ничего. Потому что тот, кто не спит вовсе, по крайней мере избавлен от мучительного момента пробуждения. Жаль только, что этот аргумент совершенно не действует на меня в тот сладостный миг, когда голова касается подушки, лживо бормоча: «Я на секундочку». Впрочем, по ощущениям всегда выходит именно что «секундочка», и это обидней всего.

К тому же, кое-как продрав глаза, я не нашел у себя в спальне тонизирующего бальзама Кахара, который способен не только поднять мертвеца из могилы, но даже разбудить меня. Специально для подобных случаев я и держу его под рукой. Надо понимать, бутылку с бальзамом вероломно вынули из старого домашнего сапога, который я остроумно приспособил под ее хранение, и поставили, как говорят в таких случаях, «на место» — например, на одну из кухонных полок, или в кладовую на другом конце дома, или вообще унесли на чердак. Главное, чтобы владелец как можно дольше не смог добраться до нужного предмета и использовать его по назначению. В этом, надо понимать, и состоит тайный мистический смысл «наместа».

Всегда считал, что от уборки вреда больше, чем пользы. Чистота сама по себе штука приятная, но за наведение так называемого «порядка», на мой взгляд, следует отдавать под суд. Был бы я в Ехо, когда мои друзья вовсю развлекались поправками к Кодексу Хрембера, непременно внес бы соответствующее предложение. Однако возможность была упущена, и теперь уборку время от времени устраивают даже в моей спальне — в надежде, что я просто не замечу. Обычно я и правда не замечаю, но порой наступает момент, когда я оказываюсь лицом к лицу с ее трагическими последствиями. Как, например, сегодня.

Поприветствовав столь прекрасное начало дня приличествующими случаю трудновоспроизводимыми сочетаниями малоупотребительных слов, я побрел в бывшую Малую Летнюю кухню, а ныне подсобное помещение, куда обычно стаскивают остатки наших аскетических ночных пирушек в гостиной и прочие собранные по всему дому съестные припасы. Надеялся обрести там если не павший жертвой наведения порядка волшебный бальзам, то хотя бы холодные остатки вчерашней камры. От чашки кофе сейчас было бы больше толку, но добыть кофе в этом Мире можно только колдовством — сунув руку в Щель между Мирами, откуда лично я способен извлечь абсолютно все, что угодно, по крайней мере теоретически.

Вообще-то этот фокус уже давным-давно перестал казаться мне сложным. В нормальном состоянии я проделываю его почти машинально. Но спросонок, да еще и не в духе в Щель между Мирами мне лучше не лазать, это я твердо уяснил несколько лет назад, когда как однажды после очередной бессонной ночи извлек оттуда ядовитую жабу. Еще и ловить ее потом пришлось по всему дому. И руку от ожога лечить. И ощущать себя конченным придурком — тоже не сахар, особенно прямо с утра.

И спотыкаться о собственный труп с утра тоже не следует. Об одеяло, подушку или свернутый в рулон ковер — еще туда-сюда. Но труп — явный перебор. Невыспавшийся человек,

лишенный единственного утешения в виде вкусных тонизирующих напитков, совершенно не способен оценить комическую сторону подобного происшествия. И какой тогда, скажите на милость, смысл все это затевать?

Ну, по крайней мере, я устоял на ногах. Ухватился за стену и остался в вертикальном положении. Поэтому неожиданно возникшее на моем пути препятствие разглядывал с высоты своего роста, а не лежа с ним в обнимку на полу. Что, в общем, к лучшему. Потому что вид собственного мертвого тела не вызвал у меня теплых чувств. Он, впрочем, и холодных чувств у меня не вызвал. Вообще никаких. Только сонное недоумение: «Зачем?» Поработав еще несколько секунд на предельной мощности, мой горемычный мозг осторожно уточнил: «Зачем это здесь?» Потом он вошел во вкус и породил несметное множество вопросов в диапазоне от: «Откуда оно взялось?» — до: «Ох, мамочки, делать-то что?!»

Приступить к выработке ответов бедняга не успел, потому что труп исчез, как это обычно случается с некачественными, наспех состряпанными наваждениями под пристальным взглядом любого мало-мальски сносного колдуна. А я как раз и есть сносный. Мало-мальски.

Сразу мог бы сообразить, в чем дело, и быстренько отвернуться, приберечь редкое зрелище для других желающих поглазеть на мой труп. Жестоко лишать ближних такого удовольствия. Но что взять с невыспавшегося человека?

Поэтому я даже сердиться на себя не стал. Бесполезно. Сперва кофе. То есть, тьфу ты, камра. И бальзам Кахара, если удастся его найти. А потом уже внутренний конфликт. Все хорошо в свое время.

Аккуратно переступив место, где только что лежал мой труп, я отправился дальше.

В последнее время Малая Летняя кухня стала одним из моих любимых убежищ, чем-то вроде дополнительной гостиной, которая выгодно отличается от настоящей тем, что о ее новом предназначении знаю только я. Никому кроме меня в голову не придет проводить здесь время. И уж тем более

завтракать. Никто из уроженцев Ехо, включая портовых нищих, безбашенных провинциальных студентов и отставных мятежных Магистров, ни за что не станет есть в кухне, пусть даже бывшей. Это считается не просто проявлением невоспитанности, но варварством, деревенским дурновкусием и чуть ли не самым вопиющим попранием общественных устоев. Леди Меламори, в детстве последовательно нарушавшая все мыслимые запреты, рассказывала, что застукавший ее за поеданием пирога под кухонным столом отец в отчаянии воскликнул: «Лучше бы ты кого-нибудь убила!» А ведь Корва Блимм совсем не кровожадный человек, да и на правилах этикета помешан куда меньше, чем прочая столичная аристократия. Однако вот как его проняло.

Таким образом, завтракая в Малой Летней кухне, я убиваю сразу двух зайцев: получаю гарантированное одиночество, жизненно необходимое мне по утрам, и тешу анархическую часть своей натуры, требующую время от времени восставать против правил — все равно каких. Для государственных переворотов и продолжительных оргий в публичных местах я слишком ленив, поэтому завтрак в кухне, пусть даже давным-давно не используемой по прямому назначению, — именно то, что надо.

Стоило мне добраться до кухни, как жизнь начала налаживаться. Во-первых, я сразу нашел там бутылку с бальзамом Кахара. Просто увидел ее на полке, даже к заклинанию, призывающему потерянные вещи, о котором вспомнил, пока брел по длинным коридорам Мохнатого Дома, не пришлось прибегать. Во-вторых, после глотка тонизирующего зелья я обнаружил на кухонном столе почти полный кувшин камры, оставленный для меня не то одним из ангелов-хранителей, не то кем-то из поклонников наведения порядка, стаскивающих в Малую Летнюю кухню все, хотя бы отдаленно похожее на еду, чтобы — совершенно верно! — ее там никто не ел. Однако счастливикам вроде меня иногда и чужое злодейство идет на пользу.

Убежище мое хорошо еще и тем, что окна его выходят не на улицу, а во внутренний двор, куда, похоже, никто кроме

меня никогда не выбирается. Думаю, о нем вообще забыли. От улицы и соседских палисадников двор отгорожен высоким забором, даже без намека на калитку. И из дома сюда можно попасть только через одно из окон Малой Летней кухни. Других выходов я не обнаружил, сколько ни искал. Друг мой Нумминорих, изучавший когда-то историю архитектуры, говорит, такие дворы называются «поварскими» и иногда встречаются в очень старых домах, построенных в те давние времена, когда полезной считалась только еда, приготовленная под открытым небом; в закрытых помещениях в ту эпоху варили исключительно яды. Черт его знает почему. Нынешние ученые считают, что все дело то ли в целительных свойствах некоторых местных ветров, то ли, напротив, в тяжелом характере камней, из которых строили дома предки нынешних угуландцев. Я же думаю, древние жители Ехо просто предвидели мое появление. И любезно приспособили свою архитектуру к моим будущим нуждам, в надежде, что у меня хватит ума поселиться в доме, достаточно старом, чтобы там был двор, заросший высокой травой, и толстое, в два обхвата дерево вахари, под которым можно поставить кресло. Спасибо им, что тут еще скажешь. Почему-то именно в поварском дворе у меня на удивление неплохо работает голова.

Наверное, я — мыслящий омут.

Вот и сейчас. Кувшин с камрой не опустел еще и наполовину, а у меня уже появились целых две версии, объясняющие как неожиданное появление моего трупа на пороге спальни, так и его быстрое исчезновение. Вторая нравилась мне гораздо больше, зато проверить первую было проще — достаточно консультации грамотного специалиста. Поэтому я послал зов Джуффину. Кому же еще.

Безмолвная речь, в общем, гораздо больше похожа на телефонный разговор, чем на какой-либо другой вид коммуникации. Только слова проговариваешь не вслух, а про себя. И реплики собеседника слышишь не то чтобы именно ушами. Сложно сказать, чем именно, но с собственными мыслями захочешь не перепутаешь — и на том спасибо.

Все это, как ни крути, требует очень высокой степени концентрации на разговоре. Поэтому я до сих пор терпеть не могу Безмолвную речь. Но пользуюсь ею по любому поводу, с упорством старательного троечника. И не только потому, что не люблю сдаваться. Просто внезапно обнаружил, что, разговаривая таким способом, начинаю мыслить более ясно и логично — вероятно, потому, что вынужден быть предельно лаконичным и не отвлекаться на пустяки.

Именно поэтому я не стал откладывать разговор, хотя дело перестало быть спешным сразу после исчезновения моего трупa. Показывать-то теперь всяко нечего. А обсудить причины происшествия можно и пару часов спустя, это ничего не изменит.

Но чего не сделаешь в борьбе за превращение своей глупой головы в хотя бы условно умную.

«Несколько минут назад на пороге спальни валялось мое мертвое тело, — не здороваясь, сказал я. — Сходство полное. Исчезло от пристального взгляда. Я спросонок вовремя не отвернулся, и сделанного уже не воротишь. Вопрос, собственно, такой: это может быть чья-то шутка? Теоретически? В смысле, кто-нибудь из моих знакомых умеет насылать такие наваждения? Это сложно? Или любому школьнику по плечу?»

«Не то чтобы очень сложно, — отозвался Джужфин. — Но довольно хлопотно и одновременно настолько бесполезно, что мне даже в голову не пришло бы кого-то специально этому учить. Ладно, давай подумаем. Ясно, что устроить тебе этот сюрприз вполне мог бы я сам. Но вряд ли мое наваждение исчезло бы так быстро. Сперва тебе пришлось бы побегать за ним по всему дому. И выслушать все, что оно при этом скажет. А некоторые пассажи, возможно, даже законспектировать на будущее. Я считаю, развлекаться — так уж развлекаться».

«Вот и я так подумал. Поэтому ты почти вне подозрений. А есть еще умельцы?»

«Кофа, безусловно, умеет и не такое. Но братья за хлопотное колдовство ради нелепого розыгрыша не станут, ты его знаешь. Если бы Кофа вдруг захотел испортить тебе настроение,